

**НЕАССЕРТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

Кросс-культурные лингвистические исследования, наряду с социологическими, психологическими и др., составляют неотъемлемую часть интердисциплинарной сферы межкультурной коммуникации, все чаще привлекающей внимание ученых в связи с проблемами глобализации и интернационализации. В фокусе таких исследований находятся вопросы о том, «что именно характеризуют сообщения, которыми обмениваются представители разных культур», а также, в каких конкретно коммуникативных контекстах проявляются кросс-культурные различия. Целью нашей работы является изучение языковых особенностей, выявляемых при сопоставлении диалогических контекстов на русском, английском и французском языках, в которых получают эксплицитное выражение неассертивные компоненты смысла высказывания.

Неассертивные компоненты смысла высказывания, под которыми мы понимаем в первую очередь пресуппозиции и условия успешности речевых актов, — это компоненты, не имеющие коммуникативно актуального статуса и содержащие разного рода дополнительную информацию, обычно разделяемую говорящим и слушающим и необходимую для успешной коммуникации. Интересно отметить, что такие компоненты смысла, вообще говоря, не нуждающиеся в эксплицитном выражении, могут тем не менее восприниматься слушающим как спорные, неадекватные, нуждающиеся

ся в пояснении. В таком случае адресат вербализует соответствующий компонент в отдельном коммуникативном ходе, что приводит к изменению неассертивного статуса данного компонента на коммуникативно актуальный. Ср. диалогический контекст (1), в котором эксплицируется экзистенциальная пресуппозиция (*У Андрея есть брат*), а также контекст (2), в котором эксплицитное выражение получает одно из условий успешности речевого акта (далее РА) обещания (условие искренности 'Говорящий собирается совершить действие'): (1) *Андрей. <...> Ко мне брат приехал. Вадим. Разве у тебя есть еще брат?* (В.Розов. В добрый час!); (2) *"I'll think about letting you write your book." She went still, then raised her head "You will?"* (B.Delinsky. Commitment).

Как показал наш анализ, реплики, в которых эксплицируются условия успешности РА и пресуппозиции, образуют разнообразные классы диалогических контекстов (всего 32 класса), сопоставление которых позволяет выявить две группы межкультурных особенностей: количественные (отличия в частотности того или иного класса диалогических контекстов) и качественные (отличия в вербальном оформлении определенных коммуникативных ходов).

К наиболее ярким количественным отличиям относится бóльшая релевантность в русскоязычной выборке контекстов, образуемых эксплицированием такой разновидности условий успешности РА, как условия искренности, по сравнению с англо- и франкоязычными корпусами. Так, диалогические контексты, в которых эксплицируются условия искренности, составляют примерно половину нашего русскоязычного корпуса, в то время как соответствующие англоязычные и франкоязычные контексты – лишь порядка 40% и 30% соответственно. На наш взгляд, полученные данные свидетельствуют о бóльшей заинтересованности носителей русской языковой культуры истинностью / искренностью высказываний.

На уровне отдельных классов коммуникативных контекстов обращает на себя внимание разновидность контекстов, в которой слушающий призывает говорящего к искренности (*Скажи правду, Говори честно, Скажи откровенно; Be frank with me, Tell me the truth, Parlez-moi franchement, Dis-moi la vérité* etc.). Русскоязычные контексты данного класса выделяются как с точки зрения их общего количества (их почти в три раза больше, чем английских и французских коррелятов), так и с точки зрения разнообразия реплик – призывов к искренней коммуникации.

К важным количественным отличиям относится, на наш взгляд, также расхождение в процентном соотношении проспективных коммуникативных ходов (т.е. ходов, подготавливающих успешное осуществление планируемого РА) и ретроспективных ходов (т.е. ходов, свидетельствующих о неуспешной реализации предшествующего высказывания) в трех корпусах. Так, наш франкоязычный корпус выделяется с точки зрения процентного соотношения проспективных и ретроспективных реплик в

сторону увеличения роли проспекции. Примечательно, что соотношение проспективных и ретроспективных реплик в нем составляет 40% к 60%, тогда как для русско- и англоязычного корпусов это соотношение равно примерно 30% к 70%. Таким образом, наибольшее внимание заблаговременному обеспечению успешности планируемого РА, на нашем материале, уделяется во французской речевой культуре.

Качественные различия в трех сопоставляемых лингвокультурах можно условно разделить на три типа: 1) различия, проявляющиеся в наличии/отсутствии той или иной разновидности клише, 2) различия, связанные со спецификой вербального оформления определенного коммуникативного хода, и 3) различия в значениях исследуемых реплик.

Так, сопоставление диалогических контекстов со значением незнания в трех корпусах позволило выявить одно интересное средство выражения незнания, характерное для нашего русскоязычного и франкоязычного материала и отсутствующее в англоязычном корпусе: ответ слушающего, свидетельствующий о незнании, оформленный в виде общего вопроса слушающего о состоянии собственной базы знаний, обращенного к говорящему. Ср.: *Второй монтер. А что там? Первый монтер. А я знаю?* (Л. Петрушевская. Два окошка); — *Pourquoi n'a-t-il pas téléphoné au Quai? – Est-ce que je sais, moi?* (G.Simenon. Maigret chez le ministre).

Тот факт, что подобные контексты отсутствуют в нашем англоязычном корпусе, дает основание для предположения о лингвоспецифичности данного иллокутивного средства, кодирующего значение незнания в русском и французском языках. Данное обстоятельство, по нашему мнению, является подтверждением тезиса А. Вежбицкой об отличии «иллокутивных грамматик» разных языков.

Качественные различия второго типа можно проиллюстрировать франкоязычными диалогическими контекстами, образуемыми десемантизированными репликами типа *Veux-tu que je te dise?*, в которых говорящий вынуждает слушающего выслушать собственное мнение (часто негативное), как бы «прикрываясь» наличием у адресата желания с ним ознакомиться. При этом достигается эффект снижения навязчивости, поскольку поверхностная структура подобного оценочного РА становится похожей на конвенциональный директивный РА просьбы или предложения. В русском языке их переводными эквивалентами являются, по-видимому, реплики типа *Знаешь что?, Знаешь, что я тебе скажу?, Вот что я тебе скажу...*, в которых не содержится указания на желание адресата выслушать мнение говорящего. Ср.: «*Veux-tu que je te dise?... Je ne peux pas comprendre qu'on soit allé chercher des dégoûtants comme nous, pour servir dans une fête pareille! Voilà, mon gars!...* » (Alain-Fournier. Le grand Meaulnes); «*Знаешь что? Я устала. Мне все надоело. Я больше ничего не хочу.* » (В.Токарева. Тайна земли).

Примером качественных различий, связанных с несовпадением значений исследуемых коммуникативных ходов, выступают реплики англ.

Don't ask me и рус. *И не спрашивай*, обладающие, на нашем материале, разным прагматическим потенциалом. Так, клише *Don't ask me*, за которым, как правило, следует мотивировка причин отсутствия запрашиваемых сведений, выполняет по сути ту же функцию, что и реплика *I don't know*, в то время как рус. *И не спрашивай* порождает целый ряд импликатур, передающих отношение слушающего к ситуации, о которой был задан вопрос: слушающему трудно / не хочется отвечать на вопрос, ответ легко предсказуем, ситуация не радует слушающего и т.п. Ср.: "*Tell me what's up with Fintal. I can't get hold of him.*" "*Don't ask me, I can't get hold of him either*" (M.Keyes. Last Chance Saloon); Он. *А как твой великий ремонт?*

Максим. *И не спрашивай. В том-то и дело, что за кухню и спальню еще не брался. Кто бы знал, как я устал есть без стола и книжки из угла в угол перетаскивать* (Е. Гришковец. Город).

Таким образом, сравнение русско-, англо- и франкоязычных диалогических контекстов, в которых эксплицируются неассертивные компоненты смысла высказывания, продемонстрировало ряд интересных количественных и качественных отличий, которые, на наш взгляд, проливают свет на некоторые особенности соответствующих коммуникативных культур. Как представляется, проведенное исследование демонстрирует целесообразность сопоставительного изучения лингвоспецифики разных типов диалогических контекстов с целью достижения языковой и межкультурной компетентности.